

Москвичева С.А. Категория полисемии через призму сущностных характеристик языкового знака

English version: [Moskvichyova S.A. Category of polysemy in the light of essential characteristics of linguistic sign](#)

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Раскрыты системные свойства языка через призму лексико-семантической категории полисемии. Показаны взаимозависимость формы и содержания, одновременная обращенность языка к миру и человеку: язык представлен и как целостная знаковая система, и как способ отображения и выражения образа мира. Способность к саморазвитию и саморегуляции языковой системы позволяет описывать ее при помощи оси «симметрия / асимметрия» и двух разнонаправленных векторов – «статика / динамика» и «актуальное / виртуальное». На примере лексико-семантического варианта слова показано, как в любой языковой категории отражаются все системные свойства целого.

Ключевые слова: полисемия, языковая система, языковой знак, стабильность и изменчивость языка

Сущностные свойства языка вытекают из его одновременной обращенности к миру и человеку. В языке находят отражение и знаковое выражение основные онтологические категории. Таким образом, язык – это и картина мира, своеобразный слепок внеязыковой действительности, и замкнутая в себе знаковая система, где любая единица имеет значение только в противопоставлении к другим единицам внутри, причем жестко внутри той же системы. По своим функциям язык – это средство общения (коммуникации), накопления и хранения информации и, шире, средство познания окружающей действительности, то есть язык обращен одновременно к индивиду и обществу.

Изучая феномены языка, бессмысленно замыкаться на одном из его аспектов: язык как знаковая система, язык как отражение картины мира (будет данная картина мира национальной или универсальной, зависит от уровня абстракции при создании лингвистической модели), язык как выражение личности говорящего, язык как социальное явление и т.д. Любая аспектирующая концепция объясняет одну из сторон функционирования языка и потому, безусловно, методически целесообразна и имеет право на существование. Вместе с тем каждая из них недостаточна для понимания сути языка как целостной системы, поскольку исследователь сосредоточивает внимание на одной из сторон изучаемого объекта (языковая структура, оси язык – человек, язык – общество, язык – внеязыковая действительность и др.), что приводит к значительному упрощению реальных свойств объекта.

Системные свойства языка, его одновременная обращенность к миру и человеку, взаимозависимость формы и содержания проявляются на всех уровнях языковой структуры и во всех языковых категориях. В любой языковой категории как в фокусе отражаются все системные свойства целого. В настоящей работе предпринята попытка показать системные отношения в языке, неразрывность осей язык и мир, язык и индивид, язык и общество, язык как знаковая система и язык как отражение, форма и содержание, через призму лексико-семантической категории

Знаковые и отражательные свойства языка

Как средство познания язык одновременно обращен к индивиду и к обществу. Следовательно, он должен быть устроен таким образом, чтобы говорящий индивид имел возможность самовыражения, которая, однако, ограничена необходимостью взаимопонимания. Способность языка служить «орудием для разнообразнейших индивидуальностей заключена в глубочайшем существе его природы. Его элемент – слово ... не несет в себе чего-то уже готового, подобного субстанции, и не служит оболочкой законченного понятия, но просто побуждает слушающего образовать понятия собственными силами, определяя лишь, как это сделать» [Гумбольдт 2000, с. 165]. Следствием того, что слова в языке «не готовы», что языковой знак не дан, а задан, является творческий потенциал языка, его способность «приноравливаться» к новой ситуации, что, в конечном счете, служит целям выражения индивидом своих интенций и чувств.

Будучи посредником между миром и человеком, «язык одновременно есть и отражение и знак» [Гумбольдт, 2000, с. 320]. «В языковом содержании отражательные свойства переплетаются со знаковыми. Это следствие неопределенности и бесконечной определимости означаемого ввиду многосторонности и потенциальной неисчерпаемости для познания предметов внешнего и внутреннего мира, с одной стороны, и множественности механизмов их субъективного отражения с другой» [Зубкова 2000, с. 52]. Знаковые свойства языка чрезвычайно расширяют возможности индивидуального самовыражения. Отражательные же свойства являются основой для взаимопонимания.

Вследствие одновременно «неизменной» и «подвижной» [Карцевский 2000, с. 76] природы языкового знака в условиях неуклонно развивающейся познавательной деятельности человека и постоянно изменяющихся потребностей самовыражения язык обладает способностью к бесконечному саморазвитию, сохраняя при этом известную устойчивость, необходимую для целей взаимопонимания индивидов. «Эта отчасти устойчивость, отчасти текучесть языка» как саморегулирующейся и развивающейся звуковой стихии, существующей в синхроническом состоянии в единстве статики и динамики, приводит, согласно В. фон Гумбольдту, к тому, что «его элементы, приобретая устойчивую оформленность» несут в себе «живой росток бесконечной определимости» [Гумбольдт, 2000, с. 82]. Едва ли не самым ярким проявлением такой бесконечной определимости выступает лексико-семантическая категория полисемии.

Симметрия и асимметрия языкового знака

Со времен Демокрита полисемия (омонимия) наряду с синонимией считается одним из важнейших доказательств произвольности связи между обозначаемым и обозначающим. Понимание языкового знака как произвольной сущности обосновывается принципом асимметричного дуализма языкового знака, согласно которому «всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно» [Карцевский, 2000, с. 78]. Транспозиция знака, его переносное употребление служат целям самовыражения индивида применительно к всегда новой конкретной ситуации, включение же транспонированного знака в синонимический ряд обеспечивает возможность взаимопонимания.

Однако помимо асимметрии в языке существует противоположная тенденция к симметризации отношений между означаемым и означающим, которая также в значительной степени обусловлена необходимостью облегчить взаимопонимание (см. работы Г.П.Мельникова, Л.Г.Зубковой, Н.В.Черемисиной-Ениколоповой и др.). «Всякое различие в идее, усмотренное мыслью, стремится выразить себя различными означающими» [Соссюр, 1999, с. 118]. Это стремление находит свое выражение в формальной дифференциации лексико-семантических вариантов многозначного слова

(лексико-семантический вариант слова – кортеж грамматических форм слова, соотнесенных с одним из его значений; лексико-семантический вариант – далее «ЛСВ»).

Выявленная в результате специального исследования [Москвичева, 2001] формальная дифференциация лексико-семантических вариантов слова связана заложенной в языковом знаке способностью к бесконечному развитию, следствием чего является эластичность языка как системы, его способность максимально соответствовать возложенным на него функциям, и в первую очередь быть средством познания и коммуникации.

Способность языка к самообновлению обусловлена существованием в нем, по крайней мере, двух тенденций, которые определяют сущность языка как феномена и процесс категоризации, то есть членения и оформления нерасчлененной, аморфной до языка субстанции мысли. Ось *симметрии / асимметрии* тесно связана с двумя взаимосвязанными парами разнонаправленных векторов, определяющих жизнь языковой системы: *статики / динамики* и *актуального / виртуального*.

«Особенностью языка как коммуникативно ориентированного феномена является действие в нем (во все времена и во всех языках мира...) трех закономерных тенденций:

- к устойчивости / динамике;
- к стандарту / экспрессии;
- к экономии / избыточности.

Устойчивость, стандарт и экономия – характерные черты любой четко организованной системы при условии ее статики. Названные тенденции, служа обеспечению порядка в системе, обуславливают ее ясность, ее усвояемость носителями языка; они же обеспечивают ее прочность и долголетие [Черемисина-Ениколопова, 2001, с. 256]. В каждое конкретное мгновение своего существования система (язык в том числе) устойчива, а потому стремится быть симметричной. Не случайно в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюр, жестко разграничив синхронию и диахронию, язык и речь, применительно к синхронному (а следовательно, статическому) срезу языка, говорит о параллелизме звучания и значения. «Симметрия и асимметрия есть два взаимосвязанных и взаимоисключающих проявления системности языка и речи: языка – в его симметрической упорядоченной статике (всегда, разумеется, относительной и важной прежде всего для характеристики ядра системы) и речи – в ее прагматической динамике» [Там же. С. 257].

Однако жизнь и язык постоянно находятся в динамике, которая приводит к нарушениям симметрии, к ее вариативности. «Неподвижная система симметрична, эволюционирующая – всегда включает нечто новое, некие варианты, которые, выражая новые, либо просто необходимые для данной ситуации смыслы, нарушают изначально строгую симметрию, служат проявлением асимметрии. Варьирование, всегда связанное с выражением новых смыслов <...> есть победа семантики над формой» [Там же. С. 256]. К этому с полным основанием можно добавить, что в динамике с течением времени равновесие системы стремится к восстановлению, форма постепенно берет «реванш», возвращая утраченные права. Таким образом, на оси статики / динамики языковой знак подобно маятнику проходит ряд преобразований от симметрии между означающим и означаемым к асимметрии, потом опять к восстановлению симметрии. Такого рода колебания языкового знака – одна из основополагающих причин явления формальной дифференциации лексико-семантических вариантов лексемы.

Вопросу диалектического единства в языке двух противоположных тенденций к симметрии и асимметрии на векторе статического / динамического в языке посвящена статья Г.П.Мельникова «О типах дуализма языкового знака», где выделяются четыре оси (типа) соотношений в языковом знаке. Две оси асимметрии: ось С.О.Карцевского, связанная с появлением полисемии и тропонимии (на ней происходит упругая деформация языкового знака) и ось А.А.Реформатского, связанная с категориями омонимии и аллофонии, с «неупругой деформацией» языковой системы. «Поскольку в языке все "дуально", то должны существовать и тенденции к симметризации нарушенной симметрии, так как иначе не было бы основы для обнаружения асимметрии» [Мельников, 1971,

с. 66]. Таких осей также две: «ось Соссюра» и «ось Бодуэна».

На оси Соссюра явления рассматриваются в статике. Что закономерно вытекает из строгого разграничения в концепции Ф. де Соссюра синхронии и диахронии, языка и речи, то есть собственно статики и динамики в языке. «При изонимическом использовании знаков господствует принцип "близость значений – подобие формы". Но не все значения могут быть близкими. И тогда – тот же принцип с противоположного конца: если противопоставляются значения знаков, то различны и формы знаков. Это случай гетеронимии. Именно такую ось, такой вид дуализма хотел видеть и замечать Ф. де Соссюр в синхронном состоянии языка» [Там же. С. 67]. Однако явления, связанные с динамикой языка, с диахроническим аспектом системы и языкового знака, рассматриваются на этой оси как асистемные.

«Системообразующую роль, несмотря на диахроничность ("историчность") всевозможных переосмыслений, выравнивания форм в языке и развития новых значений за неэквивалентными по форме знаками при развитии аналогий недвусмысленно подчеркивал И.А.Бодуэн де Куртенэ. Поэтому ось "восстановления симметрии" синонимия – метасемия назовем "Осью Бодуэна"» [Там же. С. 68]. Таким образом, языковой знак в системе языка испытывает влияние четырех типов осей симметризации / асимметризации: асимметризирующая динамическая ось Карцевского, «ее антипод – симметризирующая динамическая ось Бодуэна. Этой паре динамических осей противопоставлена пара статических: статическая ось полной асимметрии – ось Реформатского – и статическая ось полной симметрии – ось Соссюра» [Там же. С. 68].

Ось симметрии / асимметрии связана не только с векторами статики / динамики в языке, но и с векторами актуального / виртуального в языковом знаке, выходящими на соотношение языка и речи.

Разграничивая язык и речь, Э.Бенвенист говорит о свойстве «двойного означивания», присущем только естественному языку. «Язык сочетает два разных способа означивания, один из которых мы назовем семиотическим, а другой семантическим способом» [Бенвенист, 1998, с. 87].

«Семиотическим называется способ означивания, присущий языковому знаку и придающий ему статус целостной единицы. Для нужд анализа допустимо рассматривать две стороны знака по отдельности, но по отношению к процессу означивания знак всегда остается целостной единицей. <...> Говоря о семантическом способе означивания, мы имеем в виду специфический способ означивания, который порождается речью. Возникающие здесь проблемы связаны с ролью языка как производителя сообщений». [Там же. С. 87–88].

Таким образом, языковой знак выступает в двух ипостасях: первичные знаки (слова и словосочетания) и вторичные (фразы и предложения). При этом основной тип языкового знака – слово – представляет собой потенциальный минимум предложения-высказывания. Знаки первичного и вторичного означивания, по мнению Уфимцевой, противостоят друг другу как две стороны диалектического целого – языка, соотносясь как виртуальное и актуальное, как кодифицированное и индивидуальное, воспроизводимое и создаваемое. Соотношение актуального и виртуального в языковом знаке оказывается тесно взаимосвязанным с соотношением асимметрии / симметрии двух сторон языкового знака. Асимметрия отношений представляется справедливой для виртуальных языковых единиц. Однако при актуализации знаки имеют тенденцию к симметрии. В идеале эта тенденция приводит к формуле «одно звучание – одно значение».

Вопрос о соотношении виртуального и актуального в слове связан с уровнями обобщения в слове, с внутренней и внешней формой. Языковая форма многослойна и подвижна, то, что является формой на высоких ступенях абстракции, становится содержанием при актуализации. Виртуальными единицами высокой степени абстракции, с одной стороны, создающими зону единства слова, с другой стороны, в потенции зону наибольшей подвижности, ведущей к асимметрии языкового знака, являются лексемы, обладающие наиболее общими функциональными свойствами. Этому языковому центру, обеспечивающему стабильность и единство слова, противостоят, с одной

стороны, фонетический уровень (где также сосуществует виртуальное и актуальное) и уровень словоупотреблений, оформленных частнограмматическими значениями. Лексико-семантический вариант занимает промежуточное положение между виртуальным знаком – лексемой и актуальным словоупотреблением, находится на границе зоны единства и подвижности языкового знака, непосредственно соотносится с областью синтактики и прагматики. Лексико-семантический вариант (ЛСВ) оказывается в зоне пересечения осей актуального и виртуального, лексического и грамматического, среды и системы, языка и речи, что приводит к дифференциации ЛСВ как со стороны формы, так и содержания. Лексико-семантические варианты актуализируются в речи в виде словоформ. Таким образом, асимметрия языкового знака имеет тенденцию к снятию на уровне словоупотребления, то есть в контексте.

Взаимосвязь роли контекста и собственной семантики знака применительно к семантическим категориям была прекрасно показана Г.П.Мельниковым. «Значение знака, то есть исходная семантическая субстанция знака, уже приводит к тому, что два знака в сознании говорящих либо сближаются, "притягиваются" друг к другу, либо, наоборот, "отталкиваются", "противополагаются", кажутся далекими. Эти положительные или отрицательные силы взаимодействия (которые можно назвать первичной значимостью), возникающие как непосредственное следствие субстанции внеконтекстного содержания сопоставляемых знаков, и являются одним из факторов, задающих структуру отношений между единицами данного языка, увеличивают вероятность синтесии или антитезии любой пары знаков в контексте. Поэтому не только употребление формирует значение знаков, но и сложившееся наличное значение влияет на употребление. (...) Используя идеи Е.Куриловича о влиянии контекста на значение знаков, мы можем ввести понятие вторичной значимости, которая независимо от первичной либо сближает, либо «расталкивает» сопоставляемые знаки. Эти силы, формирующие структуру языка, вытекают также из субстанции содержания, но уже контекстной, причем не только данного знака, но и тех знаков, которые задают этот контекст, этот семантический фон для сопоставляемой пары знаков» [Мельников, 1971, с. 65].

Процесс актуализации значения в контексте не является однонаправленным и необратимым. Здесь также можно говорить о принципе «маятника»: языковой знак постоянно движется по шкале актуального и виртуального. Употребляясь (актуализируясь) в том или ином контексте, словесный знак получает контекстное (актуальное) значение, которое постепенно закрепляется за этим знаком, то есть постепенно происходит расщепление значения лексемы и формирование лексико-семантических вариантов, имеющих тенденцию к «виртуализации», вплоть до выделения в самостоятельную лексему, что находит отражение в словаре, где выделившиеся значения лексико-семантических вариантов закрепляются в отдельном параграфе статьи. Таким образом, словарь не является простым собранием этикеток, а представляет собой системную сущность, глубоко отражая семантические процессы, происходящие в языке. В качестве примера рассмотрим процесс лексикализации лексико-семантических вариантов слова.

Лексикализация лексико-семантических вариантов имени существительного в процессе формальной дифференциации ЛСВ

Лексикализация лексико-семантических вариантов связана с процессом формальной дифференциацией внутри полисеманта. Явление формальной дифференциации охватывает широкий пласт лексики русского языка. Анализ 4-томного словаря русского языка под редакцией А.П.Евгеньевой позволил выделить более 1000 лексем существительных с формальной дифференциацией ЛСВ. Пределом данного процесса можно считать лексикализацию одного из лексико-семантических вариантов лексемы. Под лексикализацией понимается «превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов в отдельное знаменательное слово или другую эквивалентную ему словарную единицу» [Лингвистический энциклопедический

словарь, 1990, с. 258]. Таким образом, лексико-семантические варианты существительных можно считать лексикализованными при наличии существенного сдвига в значении, подкрепленного формальной дифференциацией данного ЛСВ от других лексико-семантических вариантов в лексеме.

Процесс лексикализации оказывается обращенным к двум сторонам знака: к плану содержания и плану выражения. Следовательно, можно говорить о лексикализации семантической и грамматической, а также о степени (глубине) обособления ЛСВ, то есть о градационной шкале лексикализации. На одном конце этой шкалы находится полисемия, поскольку лексикализируются (притом в разной степени) полисеманты, другой конец занимает омонимия, источником которой служит распад полисемии.

При решении вопроса о разграничении лексикализации и смежных с ней явлений полисемии и омонимии необходимо учитывать направление и тип семантической деривации. При понимании лексикализации как обособления одной из форм слова логично предположить изначальное существование непосредственных связей между обособившимся оформленным значением (ЛСВ) и другими ЛСВ в рамках данной лексемы. Подобные связи существуют только при внутрисловной полисемии. При опосредованной полисемии, характерной для производных отглагольных (реже отыменных) существительных, а также для заимствованных слов, внутреннее единство полисеманта поддерживается единством производящего слова и единством формы, но не внутрисловными связями и отношениями лексико-семантических вариантов внутри лексемы [Соболева, 1980, с. 181]. По причине отсутствия внутрисловной мотивированности не могут быть лексикализованными лексико-семантические варианты, полученные в результате параллельной деривации по одной словообразовательной модели: *боевик* – член боевого подразделения, *боевик* – фильм; *скотник* – работник, ухаживающий за скотом, *скотник* – помещение для скота.

В случае внутрисловной полисемии при решении вопроса о лексикализации ЛСВ необходимо учитывать тип полисемии (цепочечная или радиальная). При цепочечной полисемии семантические расхождения между исходным лексико-семантическим вариантом, возглавляющим словообразовательную цепочку, и конечным производным могут быть очень значительны. Однако ступени деривации легко установимы, и семантический сдвиг на каждой ступени выводится из значения ЛСВ на предыдущей. Степень семантической мотивированности в слове очень высока. Ср.: *солдат* – *солдати́к* «ласк. к солдат», *солдати́к* – «детская игрушка, изображающая солдата», *солдати́ком* в зн. нареч. – «в положении стоя, руки по швам».

Выше уже говорилось о двусторонней направленности процесса лексикализации. Под лексикализацией лексико-семантических вариантов существительного со стороны содержания понимается ощутимый разрыв в значении, причиной которого может быть смена денотативной соотнесенности производного лексико-семантического варианта или же сдвиг в сигнификативной сфере знака, ведущий к модификации понятия. Часто подобные процессы коррелируют с механизмом метафоры и всегда подкреплены формально. Ср.: *подушечка* – *подушечки*, мн.ч., «сорт конфет»; *барашек* – *барашки*, мн.ч., «облака»; *беляк* – *беляки*, мн.ч., «волны с белыми гребешками» и др. Второй этап лексикализации – это лексикализация формы (грамматического значения). Форма также представляет собой двустороннюю сущность: план содержания (наиболее общее значение, присущее данной категории) и план выражения.

Под лексикализацией формы понимается сдвиг в семантической сфере, то есть индифферентность к выражению присущей данной категории инвариантного значения. Так, например, универсальная внеязыковая категория количества представлена в языке функционально-семантическим полем количественности, центром которого является категория числа имени существительного, где инвариантное значение единственного числа – нерасчлененность предмета, а множественного – расчлененность. Если категория числа как средство формальной дифференциации отражает реальную «сложность» предмета (*кочки*, *надолбы*, *кольца* – «гимнастический снаряд», *белма* «глаза», *воды*, *грязи* – «курорт», *рога* – «символ супружеской неверности и др.), то есть обладает семантикой множественного собирательного расчлененного (дистрибутивного), нет оснований

рассматривать эти формы как лексикализованные.

На основании этого критерия (прямого отражения грамматической категорией внеязыковой действительности) не может быть признана лексикализованной форма ЛСВ с формальной дифференциацией по категории рода *балда* (м. и ж.), *дохлятина* (м. и ж.) и др., поскольку формы мужского и женского рода отражают реальную половую принадлежность референта.

Таким образом, от полисемии лексикализацию отграничивает сдвиг значения как в плане содержания, так и в плане выражения, а от омонимии – наличие мотивационных связей внутри лексемы. Тем не менее нужно помнить, что путь от полисемии к омонимии – это подвижная шкала, где затруднительно четко и однозначно провести границы между этими смежными явлениями.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и французского Национального центра научных исследований (Centre National de la Recherche Scientifique – CNRS), проект 09-06-95321a/фр «Взаимосвязь и взаимовлияние российской и французской культуры в первой половине XX века».

[Литература](#)

Бенвенист Э. Общая лингвистика. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 360 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с. Т. 2. 391 с.

Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания: учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 1999. 237 с.

Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме языкового знака // Введение в языкознание: хрестоматия. М., 2000. 352 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.

Мельников Г.П. О типах дуализма языкового знака // Филологические науки. 1971. N 5(65). С. 54-69.

Москвичева С.А. Формальная дифференциация лексико-семантических вариантов слова в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 240 с.

Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М.: Наука, 1980. 294 с.

Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

Черемисина-Ениколопова Н.В. Симметрия / асимметрия как глубинный универсальный закон в языке и других отраслях знания // Человек. Язык. Искусство: матер. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 14–16 ноября 2000 г. М.: Изд-во МГПУ, 2001.

Поступила в редакцию 5 февраля 2010 г. Дата публикации: 29 апреля 2010 г.

[Сведения об авторе](#)

Москвичева Светлана Алексеевна. Канд. филол. наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, факультет русского языка и общеобразовательных дисциплин, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, 117198 Москва, Россия.
E-mail: moskvitcheva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Москвичева С.А. Категория полисемии через призму сущностных характеристик языкового знака [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 2(10).
URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.20гг). 0421000116/0017.
[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в реестре ФГУП НТЦ "Информрегистр".]

[К началу страницы >>](#)